

ДМИТРИЙ РОМАНЦЕВ

ПРОСНУТЬСЯ

В сорок

Дмитрий Романцев

**Проснуться в сорок.
История тревоги, честности
и возвращения к себе**

«Издательские решения»

Романцев Д. А.

Проснуться в сорок. История тревоги, честности и возвращения к себе / Д. А. Романцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-690173-5

«Проснуться в сорок» — честная книга о взрослении, о мальчике и мужчине в одном человеке, о тихих уроках отца, которые мы понимаем только спустя годы. Это история о том, как мы проигрываем красиво, когда могли просто выиграть — своими «двумя баллами».

ISBN 978-5-00-690173-5

© Романцев Д. А.
© Издательские решения

Содержание

Дисклеймер	6
Эпиграф	7
Посвящение	8
Пролог	9
ЧАСТЬ 1: КОРНИ	11
Глава 1. Два деда	11
Дед первый: Андрей	11
Дед второй: Алексей	12
Бабушка Люда	13
Контраст	13
Глава 2. меховой воротник	15
Мама	15
Отец и баня	16
Двадцать лет спустя	17
Глава 3. Два балла	18
Глава 4. Печёная картошка	21
Детство	21
Бабушка Надя	22
Наш с Викой костёр	22
Глава 5. «Порке?» и упущенная свобода	23
Группа	23
Развилка	23
Красный диплом	24
Глава 6. Носки, реслинг и чётки	25
Дистанция	25
ЧАСТЬ 2: ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ	27
Глава 1. «Ты мне нужен»	27
Две правды	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Проснуться в сорок История тревоги, честности и возвращения к себе

Дмитрий Александрович Романцев

© Дмитрий Александрович Романцев, 2026

ISBN 978-5-0069-0173-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дисклеймер

© Дмитрий Романцев, 2025

Эта книга основана на реальных событиях из жизни автора.

Имена, места и некоторые детали изменены для защиты частной жизни людей, упомянутых в тексте. Любое совпадение с реальными лицами, живыми или умершими, является случайным.

Автор делится своим личным опытом и не претендует на роль психолога или врача. Если вы переживаете похожие трудности, обратитесь к специалисту.

Эпиграф

«Проснулся. Осмотрелся. Испугался. Начал всё заново».

Посвящение

Вике.

Той, что сжала мою руку в темноте.

Той, что сказала: «Ты мой. Со всеми болячками».

За обнимашки, когда нужна просто близость.

За то, что верила, когда я становился бледной тенью.

За то, что ждала, когда я искал себя десять лет.

За то, что когда я не знал кто я – ты тихо сказала:

«Ты просто Дима. И этого достаточно.»

За то, что учишь меня быть честным. С собой.

Моей Крошечке.

Любви всей моей жизни.

Которая выбирала меня.

Снова. И снова. И снова.

Пролог

Я сижу на кухне. Утро.
За окном кормушка. Воробьи дерутся за семечки. Один – особенно наглый – занял центр и гонит остальных.
Я пью чай. Горячий. Пахнет мятой и смородиновым листом.
Раньше я бы спешил. Проверял почту. Думал о делах. Сейчас – просто смотрю.
В зеркале – седина на висках. Морщины у глаз. Сорок лет.
Я не знаю, кто я. И не знаю, куда иду.
Но впервые за долгое время я здесь. В этом утре. В этом чае. В этой тишине.
Моё тело больше не кричит. Оно просто дышит.
Эта книга – не про успех. И не про поиск себя.
Она про момент, когда ты перестаёшь бежать и впервые слышишь, как живёшь.

ЧАСТЬ 1: КОРНИ

Глава 1. Два деда

У каждого ребёнка есть свой первый круг влияния: родители, учителя, телевизор. У меня было всё проще – два деда. И если бы я мог выбрать стартовый комплект для характера, то взял бы именно такой.

Они были разными настолько, что я до сих пор не понимаю, как оба оказались моими родственниками, а не персонажами из разных книг.

Дед первый: Андрей

Дед Андрей называл меня Дым Дым.

Почему? Не знаю. Может, из-за имени. Может, потому что мы часто сидели у костра или он так менял моё имя. У деда была своя система координат, в которой логика была опциональной.

С дедом мы часто ходили в гараж. За соленьями.

Идём. Дед впереди, семимильными шагами. Я за ним. Семь лет, еле поспеваю.

– Дым Дым, нам нужны огурцы.

Приходим. Дед отпирает замок – три оборота, как сейф. Открывает погреб.

Там банки. Тьма банок.

– Дед, зачем столько?

– А вдруг чего случится, Дым Дым. Может быть всякое. Огурцы спасут.

Логика железная. Не поспоришь.

Берём банку. Идём домой. Победители.

Бабушка встречает на пороге:

– Андрей, я же просила помидоры!

Дед смотрит на банку. Потом на меня. Потом на бабушку. Невозмутимо:

– Надя, огурцы – это тоже овощи.

Не знаю, как он выкручивался дальше. Но выкручивался всегда.

В гараже деда царил творческий хаос. Инструменты, запчасти, гайки, болты, верстак, мотоцикл в углу.

Дед оборачивался ко мне и гордо объявлял:

– Вот это, Дым Дым, Бардак.

Я тогда не понял, что это значит. Но слово запомнил на всю жизнь.

У деда был мотоцикл с люлькой. Советский монстр, который заводился с пятого раза и ехал так, будто везёт секретный груз.

Однажды дед разрешил порулить.

Руль не слушался. Мотоцикл тянул в сторону люльки. Я крутил изо всех сил, пытаюсь ехать прямо.

Дед сидел рядом, и спокойно комментировал:

– Видишь, Дым Дым, управлять – это не просто крутить руль. Это чувствовать. Дорогу надо чувствовать. Как в жизни: важно чувствовать, куда идёшь.

Я тогда просто крутил руль и радовался. Только спустя тридцать лет, вспомню эти слова – когда начну искать свою дорогу.

Дед научил меня играть в шахматы. – Пешки это не орешки, приговаривал он.
Мы сидели на веранде. Доска между нами. Запах травы и дыма от костра.
– Дым Дым, шахматы – это битва. Но умная битва. Думай на три хода вперёд. Защищай короля, а не коня. Приоритеты, Дым Дым.
Я думал на один ход. Максимум. Дед всегда выигрывал. Но объяснял, где я налажал:
– Видишь? Ты защищал коня. А надо было короля. Приоритеты.
Приоритеты преследуют меня до сих пор. Только теперь я защищаю не то.

В детстве деда ударила лошадь копытом – прямо в подбородок. Шрам остался на всю жизнь.

Мы с ним внешне похожи. У меня тоже шрам на подбородке. Только у меня причина проще: отец уронил меня в гололёд. Мне было три.

Странное совпадение. Два шрама. Два поколения. Два деда в одном внуке.

Дед Андрей умер в 2005-м. Диабет.

Бабушка Надя – в 2008-м. Рак.

Я их очень любил. До сих пор скучаю.

Дед второй: Алексей

Второго деда я знаю лучше. Видел недавно.

Он из другого времени. Когда выжить было подвигом. И ещё он играл в шахматы как Бог. С мышлением из параллельной вселенной.

Однажды дед позвонил домой. Трубку взял мой брат Олег.

– Алё?

– Мама дома?

– Нет, деда.

Пауза.

– Диму позови.

Брат офигел:

– Дед, я же ответил. Это я, Олег.

– А, ну хорошо. Передай маме, что я звонил.

Шахматная логика: три хода вперёд, но в параллельной вселенной.

Дед был уверен, что баня лечит всё. Включая забывчивость.

Однажды он решил, что мне срочно надо в баню.

Я отмазывался. Дед позвонил:

– Димочка, ты где?

– Дома, дед.

– У тебя день рождения завтра, ёлки палки! А ты не мытый!

У меня не было завтра дня рождения. До него три месяца.

– Дед, мой день рождения в июле...

– Вот именно! Времени мало! Приезжай!

Я приехал. Дед ухмыльнулся довольно:

– Молодец, у меня для тебя есть задание на компьютере.

В бане я попарился, но это была подстава.

Дед Алексей родился в семье, где было пятнадцать детей.

– Дед, как вы все помещались?

– Никак. Спали вповалку. Ели по очереди. Одежду донашивали. Но выжили. Почти все.

«Почти все». Кто не выжил – он не рассказывал. Никогда.

Ели лебеду. Кору. Что найдут. Его отец – Виктор Сергеевич – прошёл три войны. Вернулся. Растил детей. Не жаловался.

Дед начал работать в шестнадцать. Таскал тяжёлые детали без погрузчика. По ночам учился.

– Дед, когда ты спал?

– Успевал. Молодой был.

Молодой. Шестнадцать лет. Работа и учёба. Я в тридцать с трудом работу тянул. А у него в шестнадцать была взрослая жизнь.

Бабушка Люда

Его жена – Людмила – была ему под стать.

На праздниках бабушка всегда запевала первой:

– А давайте споём!

Народные песни. Старые. Душевные. Все подхватывали.

В детстве я думал: «Опять началось...»

Повзрослев, понял: это было её жизнелюбие. Простое. Настоящее.

Ещё она провела газ в посёлок. Целый посёлок без газа. Годами не могли провести.

Бабушка добралась до самых верхов. Добилась.

Мне было двадцать пять. Я удивлялся: как?

Она просто улыбалась:

– Димочка, когда надо – всё можно.

Бабушка заболела Паркинсоном. Шесть лет прогрессирует. Дед ухаживал сам.

– Дед, может, сиделку наймём?

– Зачем? Я сам справлюсь.

Справлялся. Шесть лет. Сам.

Бабушка умерла два года назад. Я успел попрощаться.

– Димочка... Береги себя. И свою Вику.

– Бабуль, я тебя люблю.

– Я тебя тоже, милый.

Последние слова.

Контраст

Два деда. Две жизни из стали.

Дед Андрей учил чувствовать. Управлять мотоциклом, огнём, жизнью – не по правилам, а по наитию.

Дед Алексей учил добиваться своего. Терпеть. Делать. Выживать.

И вот я – между двумя мирами.

Миром, где всё можно почувствовать руками и сердцем.

И миром, где нужно сделать, даже когда страшно.

Тогда я ещё не знал, что именно из-за этой двойственности буду всю жизнь метаться между стабильностью и творчеством, между логикой и чувствами, между «надо» и «хочу».

Не знал, что в будущем эта внутренняя схватка толкнёт меня в самый большой кризис.

Но я благодарен обоим.

Потому что если бы был только один дед – я был бы либо слишком практичным, либо слишком мягким.

А так вышло то странное сочетание, которое помогло мне не только сломаться... но и собраться.

Шрам на подбородке – случайность.

Настоящий шрам – внутри. Двадцать лет чужой жизни.

Но хоть сейчас увидел.

Иногда, когда я берусь за инструменты или просто понимаю, что надо делать, несмотря на страх, я чувствую: оба деда всё ещё рядом.

Просто каждый отвечает за свою кнопку:

один – «почувствуй»,

второй – «сделай».

И это хорошая компания, чтобы проснуться.

Глава 2. меховой воротник

Когда говорят «детство», у каждого всплывает своё: у кого-то велосипед, у кого-то собака, у кого-то вечная очередь в поликлинику.

У меня – меховой воротник.

Мама

Мама приходила с холода в пальто с большим меховым воротником. Я встречал её у двери и нырял в этот прохладный мех. До сих пор помню запах: холод, мех, мама.

Она мудрая, светлая и удивительно упёртая. Не в плохом смысле – в том, который говорит: «Если надо сделать – она сделает. Даже если это физически невозможно».

Иногда казалось, что она держит мир на одной руке, а другой поглаживает меня по голове.

Мама работает много. Но возвращается всегда с той самой улыбкой, которая говорит: «Я устала, но никому этого не скажу». Не пафосная. Добрая. Светлая. Та, которая делает дом домом.

И с печеньем. Всегда с печеньем.

Моё лакомство в сумке с мягким шорохом. Даже если мама говорила: «Ничего особенного не купила». Ага, конечно. Я знал этот шорох лучше, чем таблицу умножения.

Если дед Андрей учил меня чувствовать, дед Алексей – добиваться своего, то мама учила третьему: не сдаваться, даже когда всё достало.

Особенно это касалось шапки.

В школу нужно было ходить в шапке. Даже если на улице было +10.

– Продует!

– Мама, ну какой продует, мы же не на Северном полюсе...

– На Северном полюсе тоже дети без шапок ходят? Нет. Вот и ты не будешь.

Логика железная. Как у деда с огурцами. Спорить бессмысленно.

Мама была строгой. Не кричала, не била, но её слово было законом.

Второй класс. Сочинение. Я пишу, стараюсь, вывожу каждую букву аккуратно. Несу маме на проверку.

Она читает. Молчит. Берёт красную ручку. Подчёркивает.

– Дима, здесь ошибка. И здесь. И здесь.

– Мам, ну я же старался...

Она смотрит на меня. Сквозь зубы:

– Я тебе что сказала... А... Теперь заново будешь переделывать.

Берёт лист. Вырывает.

Я сижу. Смотрю на пустую страницу. Внутри – смесь злости и обиды.

Но начинаю заново.

Через год я научился виртуозно срезать ошибки лезвием. Аккуратно, будто их и не было. Сверху – правильная буква. Мама проверяла, улыбалась:

– Вот теперь хорошо.

Не знаю, чему она хотела научить. Терпению? Упорству? Перфекционизму?

Научила главному: не сдаваться. Даже когда хочется отступить.

Мама человек, с которым всё казалось безопасным. С ней даже темнота в коридоре казалась менее тёмной. Она умела снимать тревогу одной фразой, касанием, шуткой.

Наверное, поэтому я так долго верил, что в жизни всегда должен быть кто-то, кто скажет: «Всё хорошо, я рядом».

Потом я узнал, что взрослость – это когда ты сам становишься таким человеком. Но в детстве мне было достаточно того, что она была.

Она редко говорила о себе. О своих страхах, потерях, слабостях – почти никогда. И только взрослея, я понял: она просто не хотела нагружать меня тем, что несла сама.

Мама была не идеальной – и именно поэтому настоящей. Иногда вспыхивала быстро, как спичка. Иногда переживала за ерунду. Иногда могла ругать меня минут пять, а потом жалеть десять.

Но всё, что она делала – даже эта вечная борьба с шапкой – было про одно:

«Я хочу, чтобы с тобой всё было хорошо».

И даже сейчас, когда я вспоминаю детство, понимаю: мама научила меня главному, ещё до всех кризисов и самокопаний:

Любовь – это не слова. Это когда у тебя в сумке лежат печенюшки, просто потому что кто-то о тебе подумал.

Отец и баня

Если мама учила не сдаваться, то отец учил терпеть. Молча. Как мужчина.

Мне шесть. Первый раз в бане. Дача под городом, откуда родом отец.

Идём вчетвером: я, отец, дядя, дед-герой (тот самый Алексей).

Дед поддаёт. Яростно. Со словами:

– Я что-то ничего не чую!

Пар валит как из паровоза. Дышать нечем. Отец и дядя сидят на средней полке. Молчат, уши в трубочку. Терпят.

Я внизу. Смотрю снизу вверх на них – как на титанов. Мне тяжело. Душно. Хочется выйти. Но не прошусь. Ни за что.

Дед снова хватается за ковш:

– Надо ещё немножко!

Отец смеётся сквозь пар:

– Дед, ты что?!

Дед невозмутим. Снова поддаёт.

Отец смотрит на меня:

– Дим, ща погоди. Сядь ниже. Скоро выйдем.

Пересаживаюсь на самый низ. Там чуть легче – горячий воздух вверх.

Терплю. Вечность.

Когда, наконец, выходим, отец хлопает меня по плечу:

– Молодец, сын. Выдержал.

Мы сидим на веранде. Пьём чай с мятой и травами. Блаженство.

Я чувствовал что-то важное. Меня инициировали. В мужскую компанию. Я больше не ребёнок. Я тот, кто может терпеть. Я слушал разговоры взрослых. Учился мудрости.

Однажды в бане я спросил:

– Пап, а ты не жалеешь, что стал архитектором?

– Нет. Почему?

– Просто ты всегда такой... серьёзный.

Он улыбнулся:

– Дим, серьёзность – это не грусть. Это ответственность. Я несу её за семью, за компанию, за людей, которые от меня зависят. Это тяжело. Но это моё.

Потом посмотрел на меня:

– А ты, Дим, что хочешь нести?

Я не знал ответа тогда.

Двадцать лет спустя

Студия. Планёрка. Дизайнер сорвал сроки. Заказчик предъявляет мне.
Сажу. Терплю. Душно. Хочется уйти. Как в той бане.
Только дед не поддаст, и чая не будет.
Беру огонь на себя.
Девять лет в студии. Отец научил терпеть.
Я научился. Слишком хорошо.
Так хорошо, что забыл спросить себя: а мне это вообще нравится?
Сейчас учусь **чувствовать**. Не «надо», а «хочу».
Мама учила не сдаваться. Переделывать, даже когда хочется бросить.
Отец учил терпеть. Молча. Как мужчина.
Я научился терпеть очень хорошо.
Научился так хорошо, что забыл спросить себя: а мне это нравится?
**Я оказался тупым – не сразу понял,
и упёртым – не сдался.**
Идеальное сочетание для экзистенциального кризиса.

Глава 3. Два балла

Чемпионат области.
Другой город.
Спортзал пахнет смесью старых кед, мокрых футболок и дешёвого освежителя воздуха, который почему-то пахнет так, будто пытается скрыть сам себя.
Мне четырнадцать.
Отец стоит у стены.
Руки глубоко в карманах.
Он не даёт советов, не делает замечаний – просто есть.
Присутствует.
И этим создаёт ощущение опоры, которой мне тогда не хватало в себе.
Именно он привёл меня на борьбу.
Именно он привёз сюда – в этот зал, в другой город.
Он сказал:
– Попробуй, Дим. У тебя есть характер. Остальному научат.
И я поверил.
Не в борьбу, даже – в него.
На ковёр выходит соперник.
Шире, выше, старше.
Стоит так, будто этот мат сделали специально под него.
Я смотрю на отца.
Он кивает.
Спокойно, уверенно.
И мне становится легче – как будто я уже получил фору в два балла.
Свисток.
Первая схватка, я проигрываю.
Немного.
Обидно, но не смертельно.
Отец не морщится, не раздражается.
Просто смотрит на меня так, как умеет только он:
не осуждая, не оправдывая – оценивая честно.
Его взгляд работает лучше любого тренера.
Вторая идёт иначе.
Тело слушается.
Дыхание ровное.
Соперник начинает уставать – я чувствую его движение, его вес, его сбой ритма.
И я веду.
На один балл.
Потом на два.
Вот он – мой шанс.
Вот он – разряд.
Отец стоит ближе.
Руки всё так же в карманах, но он уже смотрит иначе – внимательно, глубже.
Он молчит, но я почти слышу:
«Дим, держи. Ты можешь».
И в этот момент я совершаю ту ошибку, которая потом будет повторяться в моей взрослой жизни снова и снова.

Слабоумие и отвага, хочу выиграть красиво.
Не просто надёжно.
Не спокойно.
А эффектно.
Чтобы было «ух».
Прыгаю в бросок.
И прямо в воздухе мелькает мысль:
**«Иногда думаешь – будет круто, а выходит фигня.
А иногда думаешь – будет фигня... и как в воду глядел».**
И да.
В этот раз – вышла шляпа.
Соперник перехватывает, сравнивает счёт – и прижимает меня к коврику – удержание,
схватка за ним.
Свисток. Проигрыш. И только одно: «Так близко...»
Я стою на коврике и будто становлюсь меньше.
Не ростом – внутри.
Подхожу к отцу.
Он не спешит говорить.
Он никогда не спешил.
Через паузу – ровно настолько длинную, насколько нужно, чтобы я прожил этот момент, –
он произносит:
– Ты мог выиграть. Надёжно. Два балла были твоими.
Это не упрёк.
Это правда.
И правда, иногда больнее, чем крик.
Мы идём к машине.
Отец рядом.
Шаг уверенный, спокойный – тот же, что был у него всю жизнь.
Он не злится.
Он думает.
Я тоже.
В машине я смотрю в окно и тихо говорю:
– Пап... зря рискнул.
Он отвечает, не меняя тона:
– Дим... победа – это не прыжок. Это шаг. Маленький. Правильный.
Прыжки – потом, когда стоишь крепко.
А сегодня тебе надо было просто добрать свои два балла.
Я слушаю.
Но понимаю это только спустя много лет.
Этот момент возвращался ко мне в самых разных ситуациях:
В работе.
Проект идёт ровно – и я пытаюсь «сделать красиво».
Прыгаю – и ломаю.
В отношениях.
Нужно быть честным – а я держу красивый образ когда не могу.
И он, конечно, не приходит.

Сейчас я, наконец, понял:
тот урок отец дал мне тогда – без философии, без морализаторства, без громких слов.

Он учил меня не борьбе.
Он учил меня жизни:
двигаться шагами, а не прыжками.
делать своё, а не эффектное.
держат своё спокойствие.
и добирать свою победу.
Когда я вспоминаю того мальчишку на ковре
и отца у стены – тихого, внимательного, настоящего,
я думаю:
Может, хватит красивых падений?
Пора простых побед.
Тихих.
Своих.
Заслуженных.
Может, пора, наконец, взять свои два балла.

Глава 4. Печёная картошка

Дача – это машина времени. Стоит произнести это слово – и я там.

Детство

Едем на мотоцикле с люлькой. Дед Андрей за рулём. Бабушка Надя рядом. Я в люльке, счастливый, как щенок, которого вот-вот выпустят на луг побегать.

В воздухе – смесь запахов: бензин и бабушкины пирожки.

– Надя, ты опять напекла на полк?

– А вдруг проголодаемся!

Мы никогда не голодали. С бабушкой Надей это было физически невозможно.

Дача. Участок. Весна. Жара. Мы сажали картошку.

– Видишь, Дым Дым, сажаешь картошку – сажаешь будущее. Что посеешь, то и пожнёшь.

Я кивал. Не понимал ничего. Просто кидал картошку в лунки и ждал главного – костра.

Вечер. Закат. Большой костёр.

Дед разводил огонь по-особенному. Хворост, ветки, брёвна. Огонь разгорался медленно, но верно.

Помню один вечер особенно. Мне лет восемь. Дед показывал, как правильно:

– Видишь, Дым Дым, сначала хворост. Тонкий. Чтобы быстро загорелось.

Я подносил ветки. Дед укладывал их, как произведение искусства.

– Потом – толще. Постепенно. Спешка не нужна.

Он поджигал спичку. Подносил к хворосту. Огонь вспыхивал. Я смотрел, замороженный.

– Дед, а как ты узнал, что огонь разгорится?

Он посмотрел на меня:

– **Чувствую, Дым Дым. Управлять огнём – это чувствовать. Как жизнь: надо чувствовать, когда подкладывать дрова, когда ждать.**

Я кивал. Не понимал тогда.

Через тридцать лет, вспомню эти слова. Когда буду учиться чувствовать свою жизнь.

Мы сидели вокруг костра. Дед, бабушка, я.

Бабушка закапывала картошку в угли.

– Сколько ждать?

– Терпение, Дым Дым. Хорошее не делается быстро.

Мы ждали. Смотрели на огонь. Слушали треск поленьев.

Я пытался сосчитать звёзды. Сбивался. Начинал заново.

– Дед, а сколько звёзд на небе?

– Много, Дым Дым. Очень много.

Картошка готова.

Бабушка доставала её из углей. Разламывала. Пар. Запах.

Я до сих пор помню этот запах.

Печёная картошка. Чуть подгоревшая. Рассыпчатая. С солью. С маслом.

– Бабуль, почему из костра вкуснее?

– Потому что в неё вложена любовь, Дым Дым. И терпение.

Мы ели. Молча. Медленно.

Это был рай.

Картошка вкусная, и мы были вместе. Никуда не спешили. Просто были.

Бабушка Надя

Бабушка Надя была квинтэссенцией доброты.
Она заботилась обо мне. Всегда. Безусловно. Принимала таким, как есть.
Я приходил к ним домой. Садился на кухне.
Бабушка сразу к плите:
– Димочка, ты ел?
– Ел, бабуль.
– Ну, поешь ещё немножко.
Через минуту на столе: жареная картошка, квашеная капуста, щи.
Восхитительно. Не из-за еды. Из-за того, кто готовил.
Бабушка меня постоянно тискала. Обнимала крепко, долго.
– Бабуль, отпусти!
– Ещё чуть-чуть, внучок.
Мне нравилось. Очень нравилось. Хотя я и ворчал для вида.
Бабушка умерла в 2008 году. Мне было двадцать три. Я не успел попрощаться. Но мы говорили за пару недель до этого. Не о чём-то важном. Просто болтали.
Теперь жалею, что не сказал: **«Бабуль, спасибо. За всё.»**
Но она, наверное, и так знала.
Потом я вырос. Пошёл в студию. Работа, клиенты, важные встречи. «Правильная жизнь».
Всё стало сложным. Планёрки, дедлайны, ответственность.
Я думал: вот оно, взросление. Вот оно, успех.
Картошка у костра? Это детство. Прошрое. Несерьёзное.
Я забыл про простоту.
Забыл, что счастье – это не сложное.

Наш с Викой костёр

2019-й. Сентябрь. Мы с Викторией переехали в свой дом. У нас появился участок. Сад. Костровище.
Вечером я развёл костёр. Первый раз за много лет. Закопал картошку в угли – как дед.
Мы ждали. Пили чай. Молчали.
Картошка готова. Я достал. Разломил.
Пар. Запах.
Тот самый. Из детства.
Дал Вике. Она откусила, закрыла глаза:
– Каштанчик, как вкусно...
– Я старался.
Я ел. Молчал. Вспомнил деда и бабушку. С благодарностью.
Они научили меня простоте. Я забыл. Потом вспомнил.
Сейчас сижу у костра. С Викторией. С Баксом (о нём – позже). Пеку картошку, как дед. Разламываю. Пар. Запах.
И понимаю:
Я не вернулся к детству.
Я вернулся к себе.
Лучше картошка с любимыми, чем стейк с клиентами.
Лучше костёр в саду, чем ресторан с важными людьми.
Лучше простое своё, чем сложное чужое.

Глава 5. «Порке?» и упущенная свобода

Универ был моим миром.

Я знал всех. Приходил раньше, уходил последним. Потому что там было **классно и весело**.

Группа

Второй курс. 2003-й. Мы играли в подвале универа. Пятеро. Гитара, вокал, барабаны, бас, клавиши.

Звук – отвратительный. Преподаватели ругались.

Нам плевать. Мы играли.

Репетировали. Выступали. Дурачились.

Это было счастье.

Сашка – барабанщик. Молчун-зверь. Улыбался редко. Но за барабанами – светился.

Умер два года назад. Узнал случайно. Пост в соцсетях.

Хотел написать. Не написал. Постеснялся.

Слишком поздно.

Осталось фото. Мы пятеро. Сашка в центре – улыбается, палочки в руках. Счастливый.

Смотрю на это фото иногда. Думаю: мы тогда были живыми.

Аспирантура. Вёл лабораторки по программированию.

Договорился с деканом: студенты делали игры вместо уравнений. Тетрис. Гонки. Змейка.

Они светились.

Однажды один студент не пришёл на пару.

Я, пародируя мексиканский сериал, спросил на всю аудиторию:

– Порке?

Аудитория взорвалась смехом.

– Дмитрий Александрович, жжёт!

К моим парам ходили даже из других групп. Я был не просто преподавателем. Я был другом. Наставником. Тем, кто верит.

Я был живым.

Развилка

Параллельно работал у отца. Он позвал ещё на пятом курсе:

– Ты мне нужен. Я на тебя рассчитываю.

Я пришёл. Системный администратор. Помогал.

Одновременно – аспирантура. Диссертация нависала как дамоклов меч.

Я сидел перед пустым экраном. Слова не шли. Наука требует страсти. У меня мысли о чём угодно, но не о науке.

Преподавание – да. Помогать людям – да. Музыка – да.

Наука – нет.

Научный руководитель сказал, как отрезал:

– Дмитрий, вы способный. Но я не вижу огня в глазах. Наука требует страсти. У вас её нет.

Он был прав.

Не защитился.

Отец ждал на кухне:

– Дим, ну что?

– Пап, наука не моё.

Он кивнул:

– Тогда оставайся. Здесь. Со мной. Я на тебя рассчитываю.

Я остался.

Не мог подвести.

Ещё была радость. Простая, как детство.

Андрей – друг с курса – научил меня кататься на роликах.

Каждые выходные. Аллея. Асфальт гладкий, как зеркало.

Ветер в лицо. Скорость.

Свобода.

Однажды я влетел в яму. Асфальт встретил меня по-мужски. Кровь на коленях, ладони ободраны.

Андрей подбежал:

– Ты как?

– Нормально... – врал я сквозь боль.

– Вставай. Поехали дальше.

Я встал. Отряхнулся. Поехал.

– Видишь? Одна ошибка и ты ошибся.

Красный диплом

Я закончил универ с красным дипломом. Лучший выпускник года.

Родители гордились. Я улыбался. Благодарил.

Но внутри не было взрыва радости. Просто: сделал. Получилось.

Сейчас я не помню, что было в том дипломе.

Но помню:

Сашку, счастливого, с палочками.

Смех над «Порке?»

Ветер в лицо на роликах.

Диплома не помню. «Порке?» помню.

Это была развилка.

Москва. Свобода. Новая жизнь. Неизвестность.

Или дом. Семья. Отец. Понятный путь.

Я выбрал долг.

Свобода помахала мне рукой и осталась в университетских коридорах. Вместе с роликами, Сашкой и смехом над «Порке?».

Глава 6. Носки, реслинг и чётки

Когда родился Олег, я был счастлив. Наконец-то! Брат!
Он младше на десять лет. Я был старшим. Внимание родителей переключилось на него. Я не обижался. Рос без напряжения. Свободно.
После стирки мы кидались носками по комнате. Мини-сражение.
Мама из кухни:
– Мальчики! Я же постирала!
Мы не останавливались. Носки летали, как снаряды.
Потом прыгали на диван с мячом. Отпускали в полёте, приземлялись. Мини-баскетбол.
Нам весело. Родителям – не очень.
Боролись на кровати, как WWE, только без страховки.
Однажды я переусердствовал. Сдавил шею слишком сильно. Олег попытался вырваться – хрясть. Поездка к врачу.
До сих пор стыдно. Но он простил, наверное.
У меня были перекидные чётки. Деревянные. Красивые.
Однажды залил их туалетной водой «Шаман». Чтобы пахли круто.
Они выветрились. Но запах остался. Классный. Терпкий. Мужской.
Олег вспоминал про них годами:
– Дим, помнишь те чётки?
– Помню.
– Они так круто пахли...
На его 30-летие готовлю сюрприз. Вырезаю новые чётки. Заливаю маслом пихты. Не «Шаман», но тоже вкусно.

Дистанция

Мы были близки. До тех пор, пока мне не стукнуло тридцать.
Я создал семью. Переехал. Стройка дома. Работа. Вика. Жизнь завертелась.
У Олега – карьера визуализатора. Нашёл дело. Увлёкся. Работал допоздна, как одержимый.
Стали видеться реже. Не специально. Просто жизнь.
Я – своё. Он – своё.
Последние два года общаемся чаще. Созваниваемся раз в неделю. Разговариваем по часу.
Про работу, планы, лайфхаки, проблемы, жизнь.
Мне не хватает брата.

ЧАСТЬ 2: ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ

Глава 1. «Ты мне нужен»

Есть фразы, которые меняют жизнь. Не обязательно красивые. Иногда – очень простые.
2005 год. Четвёртый курс.

Я листал вакансии в Москве. Представлял: вот я уеду, начну новую жизнь, стану кем-то другим.

Кем? Понятия не имел. Но точно не тем, кто я сейчас.

Вечером папа позвал на кухню.

– Дим, мне нужно с тобой поговорить. Серьёзно.

Сердце ёкнуло. Когда родители говорят «серьёзно» – жди чего угодно.

– Садись, сын.

Я сел. Ждал. Папа долго молчал. Смотрел в окно. Потом повернулся.

– Дим, я хочу предложить тебе работу. В компании. Со мной.

Я не ожидал.

– Системным администратором. Потом, если захочешь, можешь расти. Управляющим. Дизайнером. Кем угодно.

Он посмотрел мне в глаза:

– Ты мне нужен. Здесь. Рядом.

Я думал всю ночь.

Москва. Новая жизнь. Свобода. Возможности. Риск.

Или остаться. С семьёй. С отцом. Рядом. Безопасно.

Утром я пришёл к папе:

– Пап, я остаюсь.

Он кивнул. Ничего не сказал. Просто кивнул.

Но я видел: он рад.

Две правды

Так я и остался. Не из-за страха. Не только из-за долга.

А из-за любви. Простой, тихой любви к отцу.

Но есть и другая правда.

Работа с отцом была удобной.

Не надо искать. Не надо конкурировать. Не надо доказывать что-то незнакомым людям.
Всё готово. Просто приходи и делай.

Долг – красивое слово.

Удобство – честное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.